

УТОПИЯ КАК РЕСУРС ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КУЛЬТУРУ

На извечный вопрос гуманитаристики о соотношении культуры и цивилизации полезно взглянуть сквозь призму понятия «утопия», которое имеет и позитивные, и негативные коннотации. Об утопии говорят как о «бесплодной» и «безосновной» мечте, не учитывающей социально-экономические реалии. Но также она обозначает высшие и предельные перспективы развития объекта, его желаемое или должное, идеальное состояние, ценное не только само по себе, но и как нечто мотивирующее человека, способствующее его трансценденсу – переходу через возможные или мыслимые границы.

Культура как духовно-гуманитарная сторона человеческой жизнедеятельности аккумулирует в себе это движение к высшему и идеальному, являясь продуктом (и самим процессом) сублимации всех энергий человека и человечества в направлении к целостному совершенству, к Абсолюту.

Цивилизация как технико-технологическая сторона жизнедеятельности общества выступает в качестве необходимого стабилизатора человеческого развития; как наличность в пространстве и времени («здесь и теперь») она противостоит «вечной наличности» должного, идеалов и т.п.

Согласно Н.А.Бердяеву, цивилизация – продукт «омертвения» культуры, ее «охлаждения», то есть основание таких негативных процессов и тенденций в культуре современного общества как ее дегуманизация, омассовление и деградация в своем аутентичном качестве.

Утопия же, будучи жизненно важным утверждением необходимости должного в сущем, этическим осмыслением человеческой жизни, может быть источником культурной сублимации, реальным ресурсом пресуществления (претворения, превращения) цивилизации в культуру.

В антропологическом аспекте этот процесс идентичен индивидуальному самоопределению. Человек, адаптируясь к миру, его технологическим правилам (цивилизация), должен сохранять «предел», «меру» своей возможной изменчивости в угоду этому процессу и его требованиям. Данный предел задан свободой и сам задает масштаб этой свободы; выбирая должное как сущее более высокого порядка, нежели обыденное сущее», двигаясь по утопическим линиям саморазвития, человек обретает себя, свою свободу, свое культурное содержание. Смыслом человеческого существования оказывается постоянное доминирование в нашей жизни культурного начала над цивилизационным, свободного над необходимым, самоопределения над всеми формами внешнего влияния и воздействия.

Таким образом, утопия «окультуривает» цивилизацию, делая возможной её продвижение во внешний – социальный – космос и внутренний – человеческий.

Ключевые слова: утопия, мечта, свобода, цивилизация, культура, время и вечность.

Всем гуманитариям (предпочитающим говорить не «как бы», а «приблизительно» или «в принципе», который еще не сформулирован тобою), в общем, известно значение слова «утопия». Это – некое «безместное место», где существует (мог бы, должен бы быть, существовать) человек, адекватный своей природной, социальной и духовной сущности, реализующий эту сущность. И даже могущий сказать, что это – его место, законное, ему предназначенное и, только в силу конкретно-исторических обстоятельств его существования, ему не принадлежащее.

«Мне нужен мир второй –

Огромный, как нелепость,

А первый мир маячит, не маяя...

Долой его, долой.

Там люди ждут троллейбус.

А во втором – меня». (Стих-е Ник.Глазкова)

Пугает расстояние от того, что «есть» до того, что «должно быть?» Психологически мы к этому готовы с детства.

Это – азы педагогики, называющей, почему-то, эту коллизию «социализацией личности», но не применяющей её к «социализации» самого общества, к становлению родового начала в индивидуе, который, например, желает иметь мало общего с тем социумом, который ему предлагается со страстью и механизмами всех социокультурных систем. (Если уж личное влияние Штольца – любимого друга Ивана Ильича Обломова – получило известный «облом», то так ли уж стоит надеяться на абстрактную «социализацию личности»?).

Всей мощью рационализма – достоверности и доказательности, неоспоримости и содержательности аргументов – испокон веков общество обрушивается на каждого из своих непокорных членов; результат один – неприятие, неверие, недоумение. В философии – «Отказ» как принципиальный ответ на реальность, тебя не устраивающую по разным соображениям (зарплата, между прочим, – далеко не «низкий предмет» этого конфликта).

В словаре русского языка С.И.Ожегова «утопия» обозначена как: «Нечто фантастическое, несбыточная, неосуществимая мечта [по названию романа англ.писателя XVI века Т.Мора, описавшего воображаемый идеальный общественный строй будущего] // прил.утопический, -ая, -ое. У. социализм – домарксистское учение о социалистическом переустройстве общества, исходившее не из объективного развития, а из умозрительных представлений об идеальном устройстве общества. [3,688].

Утопизм – утонуть – быть утопленным или утопленником – родственные коннотации, изначально настраивающие против заинтересованно-позитивного отношения к тому, что «утопией» является или может быть так оценено.

Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что человеческая мечта, вообще, способность мечтать, является таким же, а, возможно, и более специфическим качеством человеческого существования, нежели, допустим, разумность или деятельность. В наличии каких-то начальных, базовых структур этих способностей мы не отказываем высшим (и не только) животным. Мечта же, как ценностное осуществление позитивного целеполагания, однозначно связывается именно с человеком, тем более, когда речь идет о мечте, сфокусированной на будущем–должном настоящем– человека, себя самого ставящего под этот вопрос. Под вопросы:

- есть ли у меня это будущее?
- заслуживаю ли я это будущее?
- не утратил ли я это будущее некогда или навсегда?

И так далее: вопросы такого рода могут занять все страницы данного введения в проблему.

Что пугает человека, что его останавливает при размышлении о должном его существовании, и не только социальном, в контексте которого традиционно используется понятие «утопия», но и телесно-космическом, духовном, трансцендентальном и т. д.?

Человеческая культура – самая удивительная вещь на свете, ибо, зная об этом Отказе, ощущая его в каждом своем члене, она выступает в качестве Ментора, знатока того, во-первых, чем живет человек, во-вторых, чем он хочет жить, в-третьих, – должен жить.

Психомодальности: «есть» – «должен» – «хочу» пронизывают самые тонкие и самые «толстые» наши человеческие движения: от тела до духа.

Вершина философии – этика – давно уже устами Овидия сформулировала парадокс: «Благое вижу и даже хвалю, но... поступаю дурно» (или, как всегда, что жизнь подскажет...).

Высший арбитр – жизнь, а не её временные оценки, означивания, коннотации...

Удастся ли вырваться из реальности в утопию? Надо ли? Были ли примеры?

С двумя – светским и сакральным – никто особенно не спорит: Сократ и Иисус Христос. Обоих уничтожили и, в то же время, приняли, без отождествления, конечно.

В этом – надежда – основание мечты и Утопии.

Ни одна из основ человеческого бытия и человеческой культуры не субстанциальна в том смысле, что «питается собой»: «абсурд имеет смысл, когда отрицается» (А.Камю), «...и бесы веруют и трепещут» (Библия); «все в жизни осуществляется на мембранах» (биология); «рассудок силен, когда понимает, что есть вещи в принципе им непостижимые» (Б.Паскаль).

И, наконец, фундаментальное, сократовское: «Я знаю только то, что ничего не знаю». С добавлением: «другие и этого не знают»...

Последнее – формула утопии в философии, в её гносеологической части, которая, как никакая другая, родственна нашему бытию, онтологии: «Я знаю только то, что не существую», «Я знаю только то, что не свободен» (...ибо, «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества» (Ульянов – Ленин).

На каком же основании высится культура человеческая? Не есть ли она «одна сплошная утопия»? А, может быть, к понятию «утопия» надо подойти принципиально иначе?

Наш отечественный философ – этик Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов посмотрел «на солнце прямо»: утопическое содержание, посыл, интенция – это нерв культуры, её вечное настоящее, её желание стать нужной и должной: «Разумно – целесообразный характер человеческой деятельности предполагает не просто и не только общие представления о мире, в котором эта деятельность протекает. Он предполагает также в качестве своей предпосылки идеально-

завершенный образ мир, который придает миру внутреннюю цельность». [2, 2].

Философия как квинтэссенция культуры может рассматриваться и как её утопия, конструирующая идеальный образ мира, где реализуется область свободы, полновластия человека. «В этом смысле всякая философия есть утопия... Философские образы мира рисуют не просто желательное будущее, а непременно действенное будущее, которое выступает как моральный проект, перспектива разумного существования». [2, 3].

Философствующая, этически осмысленная культура в утопическом ключе являет свою сущность (вспоминаются слова С.Дали о «сыре, являющем сущность молока»).

Утопия как жизненно важное утверждение необходимости должного в сущем, даже если для этого нет никаких объективных оснований, предпосылок, питает культуру всех времен, народов и индивидов. Человек неизменно перерастает рамки сущего, его нормы и ценности, как тот «самолет» у В.Франкла, который «может ездить и по земле, подобно автомобилю, но только поднявшись в воздух, доказывает, что он именно самолет». В этом своем «самолетном» качестве человек видит собственное предназначение и достоинство, личную неприкосновенность, а также меру возможности «подстраиваться под мир, не изменяя, при этом, себе самому подлинному, настоящему, экзистенциально суверенному».

[Известна трактовка пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» нашего отечественного и, к сожалению, покойного мыслителя и «стародума» – Станислава Рассадина. О чем эта сказка, говорил он, – о жадной старухе и слишком покорном её супруге – рыбаке? Или о свободе, которую рыбка золотая оценивала выше собственной жизни? Она платила за свое спасение, т.е. жизнь, до тех пор, пока ей не была предложена лакейская должность: «и чтобы служила она» новоявленной «царице морской» и «была б у неё на посылках». Запрашиваемая цена (свобода) превысила подарок (жизнь) и была, естественно, отвергнута. Так и мы, самоопределяясь в жизни, должны знать, понимать, чувствовать предел нашей возможной покорности миру, адаптации к социуму. Отвергнуть то, что предлагается «сверх меры», т.е. наступление на нашу свободу, ибо дороже ее нет ничего...

Свобода – возможность выбирать, например, между сущим и должным, невзирая на то, что сущее представлено как необходимое, а не должное.

Культура выбирает должное как сущее, но сущее иного порядка, чем «сущее вчера – сегодня – завтра» в интерпретации цивилизационного настоящего.

Едва ли не вечен спор о соотношении цивилизации, живущей всегда «здесь и теперь», (хотя и выстраивающей затем своё бытие в исторической шкале прошлого, настоящего и будущего), с одной стороны, и культуры, апеллирующей к вечности, так же представленной «здесь и теперь». Наличие в пространстве и времени противостоит «вечной наличности» должного, идеалов, принципов и т.д.

Цивилизация, по сути, номиналистична, признавая реальность того, что зафиксировано в нашем быте, технологических его структурах и правилах.

Культура, как духовно-гуманистическое измерение жизни индивида и, только потом, социальных агрегаций (групп, классов, элит и т.п.), реалистична как утверждение подлинного (аутентичного) Бытия человеческого начала и в индивиде и в социуме.

Утопическое, в этом смысле, реальнее, чем так называемая «реальность», ибо противопоставляет всегда временному (условному, фрагментарному, злободневному) вечное – безусловное, целостное, или нормальное, опять же в подлинном смысле этого слова. То, что «нормально» для каннибала, нормой не является для цивилизованного человека именно потому, что его цивилизация уже пронизана культурными стержнями мышления, мировоззрения и поведения.

Утопическое выражает требование (должное) к человеку не предавать свою сущность, не изменять ей, сохранять предел возможности компромисса между индивидом и его жизненным временем – пространством.

Цивилизация меняет существование человека; культура охраняет его сущность. Культура – обуза цивилизационного развития, терпимая современным обществом как тормозная система автомобиля, всегда вторичная, по сравнению с его скоростными качествами или, допустим, дизайном, тюнингом и т.д.

Тормоз охраняет пассажира, пешеходов: аналогию можно раскрашивать и далее. Только: культура – не ограничение скорости, а – тонкий прибор, устанавливающий сам режим движения, его направленность и смысл. Культура говорит «водителю»: может быть нужно и ножками походить, вместо того, чтобы постоянно стоять в пробках Бытия, которые ты сам и твой автомобиль создаете?

Цивилизация формирует свои «тормоза»: логистику транспортного движения, правила его, нормы и штрафы. Но вот... отказаться от автомобиля – утопия, говорит она.

Отказаться от еды – утопия: можно придумать диеты самого разного рода.

Отказаться от живого воздуха под водой? Можно изобрести акваланг. И так далее.

Цивилизация ищет выходы из многочисленных тупиков, (которые она сама и создает) с помощью культуры, которая утопично предлагает кардинальные способы выхода из них: за аквалангом следует доктор Сарториус, пересаживающий легкие акул беднякам, которым нет места на Земле. («Человек-амфибия» Александра Беляева).

Утопия раздвигает освоенные цивилизацией границы телесного, социального и духовного бытия человека. Она говорит: должное не только необходимо, но и возможно.

Утопия цивилизует саму цивилизацию, делает возможной её продвижение во внешний космос и внутренний – человеческий. Утопия, и в самом деле, – фантастическое и, только поэтому, реальное топливо цивилизационного развития.

«Формулы топлива» изобретаются культурными людьми, понимающими, что утопическое сегодня – это реальное завтра. При условии его человеческого наполнения.

В противном случае мы имеем дело не с утопией, а с антиутопией, или с тем, чего быть не должно ни при каких условиях.

Утопия вечна как мир, как идеальное начало, помогающее миру подниматься с одного достигнутого им уровня на следующий. Утопия, впрочем, не запрещает и «перескакивать», надеясь на разум и веру человека, здравый смысл и сыновнюю благодарность Миру, его создавшему.

Мы много говорим «от лица» человека, не поднимаясь до горизонта истинного наполнения того, что он вмещает уже сегодня, а не «когда-

нибудь». Утопия – «обыкновенное чудо», присутствующее в каждом человеке ныне, как выражении вечного: «Хвала человеку, знающему, что он смертен, но живущему так, будто бы он бессмертен».

Для атеиста эта «бессмертность» лежит в створе перспективной социальности, в виде оставляемых на Земле дел, то есть отмечена печатью «как бы», для верующего же она очевидна как задача реализоваться в образе и подобию Божьем...

Утопия – цель мечты, основание размышления о средствах её достижения, так что утопия – мечта, реализованная в субъективной реальности, которая наступает на реальность объективную, не дает ей «уснуть».

(Известно вполне рациональное высказывание К.Маркса о будущем государства, которое, передав все свои функции гражданскому обществу, «засыпает». Должно «уснуть». Мечта?).

Для так называемых «государственников» – это опасная мечта, провоцирующая становление власти либо толпы (охлократия), либо тирана (тирания, автократия). Они правы в том, что один из двух глаз должен бодрствовать, в тормозной системе должна быть жидкость...

А вот по поводу идентификации этой «жидкости» и идут все споры: где она сосредоточена? Индивидуальное – групповое – социальное начала являются её субстратом? Или все-таки надо признать наличие Высшего контрольного управления нашей жизнью?

Понятие «культура» изобретено для снятия этого мировоззренческого «раздрая» между светским и сакральным, между «возделыванием» (воспитанием и т.п.) и «культом» – почитанием, преклонением перед высшими ценностями.

«Культура» всеми своими энергичными усилиями доказывает, что это – вопрос принципиальный. Главное – сознание того, что ты в мире не один, радуешься или страдаешь различно, но по одним и тем же поводам: рождение, встреча с любовью, работа, творчество, ошибки и раскаяния, прощение, смирений и смерть...

Обманывает ли нас культура? Только так, как мать обманывает ребенка, боящегося съехать с ледяной горки: «Ты это можешь!».

«Нас возвышающий обман» – у Пушкина.
Нас стимулирующий обман – Утопия.

Приятно обмануться в собственной трусости, преодолев её.

Существуют ли ограничители утопии? Можно ли, к примеру, использовать «бронированный вагон» врага, с которым твоя родина находится в состоянии войны?

Две шкалы оценки этого события:

– временная, цивилизационно-политически своевременная, но явно недостаточная, с точки зрения утопически воспринятой Вечности, где враг – условность, а «мировая революция» – мечта угнетенного человечества с тех пор, как оно существует;

– вечная, культурная, запрещающая утопию использовать как инструмент волюнтаристского преобразования жизни, запрещающая выдавать временное за вечное.

Вечное как естественное, правильное и нормальное – это действительное топливо движения к мечте.

Временное (злободневное, эффективно-политическое) – жизненная абберрация, несущая человеку и миру одни страдания.

Утопия, при этом, реальна как дело, а не только размышление, пусть самое благостное, о нем.

В этом-то и вся проблема: различить благое дело в масштабах Вечности и дело, кажущееся таковым.

(И.В.Гете в «Фаусте», вместо сакрального «В начале было Слово», предпочитает сказать «В начале было Дело!»). Добро утверждается делом, которое неуничтожимо и противостоит дьявольскому «Все отрицаю – в этом суть моя». [1,83]

Истинное добро – неразрушимое великое, а то, что разрушилось, не выдержало проверку на статус вечного. Так, Гете проводит водораздел между добрым и злым, и критерий их различения – жизнь в культуре человечества – вечная, в пределе, жизнь.

Понятным становится условие договора Фауста с Мефистофелем («Когда воскликну я: «Мгновенье, // Прекрасно ты, продлись, постой! - // Готовь мне цепи без смущенья, // Земля – разверзнься подо мной!»). [1,90]

Остановленное мгновенье означает конец Дела, для которого требуется вечность, а не время. Во времени к добру всегда примешено нечто относительное, означающее хотя бы необходимость «расчистки места» для истинно ценного, т.е. вечного; необходимость зла для уничтожения старого. Теория – разумный снимок времени – неизбежно побеждается пышно зеленеющим в вечности деревом жизни).

Утопия, как и счастье, не дает однозначных ответов на сложные вопросы Бытия. Она, как и культура, – «вечная неудачница жизни» (Н.А.Бердяев).

Отсюда требование: «Отдайся избранному делу всей душой, но посмотри прежде, хорошее ли это дело?» (Бл.Августин). Доброе ли это дело с позиции Вечности?

Как здесь ни думай, а ничего лучшего человечество до сих пор не выдумало, как углубление временного до вечного в утопическом контексте постоянных человеческих усилий пресуществления цивилизации в культуру.

16.12.2014

Список литературы:

1. Гете И.В. Фауст.-М.: Эксмо, 2008.
2. Гусейнов А.А. Философия как утопия для культуры/w.w.w.postmodern.in.ua/? p = 959.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка.-20-е изд-е: Стереотип.М.: Русский язык, 1988.

Сведения об авторе:

Стрелец Юрий Шлемович, профессор кафедры философии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, профессор
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 20807, тел. (3532)372586, e-mail: fila@mail.osu.ru